

НОВЕНЬКАЯ

На улицах еще не совсем рассвело, и синие лампочки еще горели у подъездов и над воротами домов, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро — во-первых, потому, что на улице было холодно: говорят, что таких морозов, как в этом, 1940 году, в Ленинграде не было уже сто лет; а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут — в первый день после каникул — было почему-то здорово интересно прийти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

— А вы знаете, я сегодня первый пришел!..

На одну минуту только остановился Володька на углу — послушать радио. Передавали оперативную сводку штаба Ленинградского военного округа. Но и тут ничего интересного

не было сегодня: поиски разведчиков и на отдельных участках фронта ружейно-пулеметная и артиллерийская перестрелка...

В раздевалке тоже еще горела синяя лампочка. Старая нянюшка дремала, положив голову на деревянный прилавок, около пустых вешалок.

— Здрасти, нянечка! — заорал Володька, кидая свой портфель на прилавок.

Старуха испуганно вскочила и захлопала глазами.

— С добрым утром вас! Хорошего аппетита! — затараторил Володька, снимая пальто и галоши. — Что? Не ждали? А я ведь, вы знаете, первый пришел!!!

— А вот и врешь, балаболка, — сказала старуха, потягиваясь и зевая.

Володька оглянулся и увидел на соседней вешалке маленькое девичье пальто с белым, кошачьим или заячьим, воротником.

«Эх, надо же! — подумал он с досадой. — Какая-то фыффра обскакала на полкилометра...»

Он попытался по виду определить, чье это пальто. Но что-то не мог вспомнить, чтобы у какой-нибудь девочки в их классе было пальто с заячьим воротником.

«Значит, это из другого класса девчонка, — подумал он. — Ну, а из чужого класса не считается. Все равно я первый».

И, пожелав нянюшке «спокойной ночи», он подхватил свой портфель и поскакал наверх.

* * *

...В классе за одной из первых парт сидела девочка. Это была какая-то совсем незнакомая девочка — маленькая, худенькая, с двумя белокурыми косичками и с зелеными бантиками на них. Увидев девочку, Володька подумал, что он ошибся и заскочил не в свой класс. Он даже попятился обратно к двери. Но тут он увидел, что класс этот — никакой не чужой, а его собственный, четвертый класс — вон на стене висит рыжий кенгуру с поднятыми лапами, вон коллекция бабочек в ящике за стеклом, вон его собственная, Володькина, парта.

— С добрым утром! — сказал Володька девочке. — Хорошего аппетита. Как вы сюда попали?

— Я — новенькая, — сказала девочка очень тихо.

— Ну? — удивился Володька. — А почему — зимой? А чего ж ты так рано?

Девочка ничего не сказала и пожалала плечами.

— Может быть, ты не в тот класс пришла? — сказал Володька.

— Нет, в этот, — сказала девочка. — В четвертый «Б».

Володька подумал, почесал затылок и сказал:

— Чур, я тебя первый увидел.

Он прошел к своей парте, внимательно осмотрел ее, потрогал для чего-то крышку, — все было в порядке; и крышка открывалась и закрывалась, как полагается.

В это время в класс вошли две девочки. Володька захлопнул парту и закричал:

— Кумачева, Шмулинская! Здравствуйте! С добрым утром! У нас новенькая!.. Я ее первый увидел...

Девочки остановились и тоже с удивлением посмотрели на новенькую.

— Правда? Новенькая?

— Да, — сказала девочка.

— А почему ты зимой? А как тебя зовут?

— Морозова, — сказала девочка.

Тут появилось еще несколько человек. Потом еще. И всем Володька объявлял:

— Ребята! У нас новенькая! Ее зовут Морозова. Я ее первый увидел.

Новенькую обступили. Стали разглядывать, расспрашивать. Сколько ей лет? И как ее зовут? И почему она зимой поступает в школу?

— Я не тутэшняя, — потому, — сказала девочка.

— Что значит «не тутэшняя»? Ты что — не русская?

— Нет, русская. Только я с Украины приехала.

— С какой? С Западной?

— Нет. С Восточной, — сказала девочка.

Отвечала она очень тихо и коротко и, хотя не смущалась нисколько, была какая-то грустная, рассеянная, и все время казалось, что ей хочется вздохнуть.

— Морозова, хочешь, давай будем сидеть со мной? — предложила ей Лиза Кумачева. — У меня место свободное.

— Давай, все равно, — сказала новенькая и пересела на Лизину парту.

В этот день почти весь класс явился раньше, чем обычно. Каникулы в этом году тянулись почему-то необыкновенно долго и томительно.

Ребята не виделись всего две недели, но за это время у каждого накопилось новостей больше, чем в другое время за все лето.

Волька Михайлов ездил с отцом в Териоки, видел взорванные и сожженные дома и слышал — правда, издалека — настоящие артиллерийские выстрелы. У Любы Казанцевой бандиты ограбили сестру, сняли с нее меховую жакетку, когда она возвращалась вечером домой с фабрики. У Жоржика Семенова

ушел добровольцем на войну с белофиннами брат, известный лыжник и футболист. А у Володьки Бессонова хотя своих новостей и не было, зато он «своими ушами» слышал, как в очереди одна старуха говорила другой, будто «своими глазами» видела, как в Парголове около кладбища постовой милиционер сбил из нагана финский бомбардировщик...

Володьке не поверили, знали, что он баболожка, но все-таки дали ему поврать, потому что все-таки это было интересно и потому еще, что он очень смешно об этом рассказывал.

Заговорившись, ребята забыли о новенькой и не заметили, как прошло время. А за окнами уже совсем рассвело, и вот в коридоре зазвенел звонок, зазвенел как-то особенно — громко и торжественно.

Ребята быстрее, чем обычно, расселись по партам.

В это время в класс вбежала запыхавшаяся длинноногая Вера Макарова.

— Ребята! — закричала она. — Вы знаете... Новость!..

— Что? Что такое? Какая? — закричали вокруг.

— Вы знаете... у нас... у нас... новенькая...

— Ха! — захохотали ребята. — Новость! Давно без тебя знаем...

— Новенькая учительница, — сказала Вера.

— Учительница?

— Ага. Вместо Элеоноры Матвеевны будет. Ой, вы бы видели! — Вера всплеснула своими длинными руками. — Хорошенькая... Молоденькая... Глаза голубые, а волосы...

Ей не пришлось дорисовывать портрет новой учительницы. Открылась дверь, и на пороге появилась она сама — действительно очень молодая, голубоглазая, с двумя золотистыми косами, заплетенными, как венок, вокруг головы.

Ребята поднялись ей навстречу, и в тишине какая-то девочка громко прошептала своей соседке:

— Ой, и правда, какая хорошенькая!..

Учительница чуть заметно улыбнулась, подошла к своему столу, положила портфель и сказала:

— Здравствуйте, ребята. Вот вы какие! А мне говорили, что вы — маленькие. Садитесь, пожалуйста.

Ребята сели. Учительница прошла по классу, остановилась, опять улыбнулась и сказала:

— Ну, давайте познакомимся. Меня зовут Елизавета Ивановна. А вас?

Ребята засмеялись. Учительница прошла к столу и раскрыла журнал.

— О, да вас тут много. Ну, давайте все-таки знакомиться. Антонова — кто это?

— Я! — сказала Вера Антонова, поднимаясь.

— Ну, расскажи мне немножко о себе, — сказала учительница, присаживаясь к столу. — Как тебя зовут? Кто твои папа и мама? Где ты живешь? Как ты учишься?

— Учусь — ничего, хорошо, — сказала Вера.

Ребята зафыркали.

— Ну, садись, — усмехнулась учительница. — Поживем — увидим. Следующий — Барина!

— Я!

— А тебя как зовут?

Барина сказала, что ее зовут Тамара, что живет она в соседнем доме, что мама у нее буфетчица, а папа умер, когда она еще была маленькая.

Пока она это рассказывала, Володька Бесонов нетерпеливо ерзал на своей парте. Он знал, что его фамилия — следующая, и не мог дожидаться очереди.

Не успела учительница вызвать его, как он вскочил и затараторил:

— Меня зовут Володя. Мне одиннадцать лет. Мой папа — парикмахер. Я живу угол

Обводного канала и Боровой. У меня есть собака Тузик...

— Тихо, тихо, — улыбнулась учительница. — Ладно, садись, хватит, о Тузике ты мне после расскажешь. А то я с твоими товарищами не успею познакомиться.

Так она постепенно, по алфавиту, опросила полкласса. Наконец подошла очередь новенькой.

— Морозова! — выкликнула учительница.

Со всех сторон закричали:

— Это новенькая! Елизавета Ивановна, она новенькая. Она сегодня первый раз.

Учительница внимательно посмотрела на маленькую, худенькую девочку, поднимающуюся из-за своей парты, и сказала:

— Ах, вот как?

— Елизавета Ивановна! — закричал Володька Бессонов, поднимая руку.

— Ну, что?

— Елизавета Ивановна, эта девочка новенькая. Ее зовут Морозова. Я ее сегодня первый увидел...

— Да, да, — сказала Елизавета Ивановна. — Мы уже слышали об этом. Ну, что ж, Морозова, — обратилась она к новенькой, — расскажи и ты нам о себе. Это будет интересно не только мне, но и твоим новым товарищам.

Новенькая тяжело вздохнула и посмотрела куда-то в сторону, в угол.

— Меня зовут Валя, — сказала она. — Мне будет скоро двенадцать лет. Я родилась у Киеви и все время там жила — с папой и мамой. А потом...

Тут она запнулась и совсем тихо, одними губами сказала:

— Потом мой папа...

Что-то мешало ей говорить.

Учительница вышла из-за стола.

— Хорошо, Морозова, — сказала она, — хватит. Ты после расскажешь.

Но было уже поздно. У новенькой задрожали губы, она повалилась на парту и громко, на весь класс заплакала.

Ребята повскакали со своих мест.

— Что с тобой? Морозова! — крикнула учительница.

Новенькая не отвечала. Она уткнулась лицом в сложенные на парте руки и делала все, чтобы сдержать слезы, но, как ни старалась, как ни сжимала зубы, — слезы все текли и текли, и плакала она все громче и все безутешнее.

Учительница подошла к ней и положила руку ей на плечо.

— Ну, Морозова, — сказала она, — милая, ну, успокойся...